

Ангелофрения

Наталья О'Шей & Максим Хорсун

Ангелодфрениия

ЭКСМО

МОСКВА

2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-11

Разработка художественного оформления *Сергея Курбатова*

В оформлении переплета использована работа художников
Андрея Мозгалева и Марии Тульновой

О'Шей Н.

О-11 Ангелофрения / Наталья О'Шей, Максим Хорсун. —
М. : Эксмо, 2013. — 416 с.

ISBN 978-5-699-68006-1

«Дороги сплелись в тугой клубок влюбленных змей, и от дыхания вулканов в тумане немеет крыло... Лукавый, смирись, мы все равно тебя сильней»...

Вы давно хотели узнать эту историю в подробностях? Пожалуйста!

Магдалина Эльвен, дочь русского астронома, после смерти отца переезжает в Новое Царство - государство на севере Африки. В жарком и экзотическом Мемфисе живет ее родной дядя, владелец крупнейшей компании воздушных перевозок. Неудивительно, что Магдалина влюбляется в Роланда Ронсевальского, капитана тяжелого дирижабля «Тион». Но до свадьбы еще далеко. Темные силы пробудились в древней земле фараонов. Магдалине и ее возлюбленному предстоит долгий путь к счастью. Найдет ли юная хранительница мира верную дорогу в адской тьме? Чье обличье примет Лукавый? Смирится ли он с поражением, если Страшный Суд — уже завтра?..

Добро пожаловать в удивительный мир паровых машин и волшебства, созданный на основе песен легендарной рок-группы «Мельница» самой Хелависой - Натальей О'Шей, а также Максимом Хорсуном - автором романов в жанре приключенческой фантастики!

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© О'Шей Н., Хорсун М., 2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68006-1

Пролог

Покрытые свежим лаком березовые половицы отзывались на легкие шаги вкрадчивым скрипом.

Магдалина шла через синеватый сумрак. Газовые светильники, расположенные на стенах павильона, горели в четверть силы. Впереди высилась массивная, отливающая начищенной медью колонна рефрактора — оптического телескопа. Возле нее Магдалину ждал отец.

Обычно в столь позднее время Магдалина уже спала, прижимая к груди тряпичную куклу, но сегодня папа — доктор физико-математических наук Павел Эльвен — впервые пригласил дочь на ночную экскурсию.

Платье из английского сукна, кашемировая шаль, которая пришлась бы впору и взрослой даме, шерстяные чулки, — и все равно было холодно так, что приходилось дышать на ладони. На каждый выдох — по облачку пара. На каждый шаг маленьких ног, обутих в сапожки со шнуровкой, — тихий всхлип половиц, покрывающих поворотную платформу рефрактора.

За куполом, венчавшим павильон, шумели ели и перекликались совы. Небо нависало над Пулковской обсерваторией морозным ясным сводом. Бритвенно-острый серп луны цеплял нижним краем поросшие лесом высоты, тускло отблескивал Млечный Путь; небосклон то и дело пересекали световые дорожки метеоритов. Отменная ночь для наблюдений, — так сказал папа. И Магдалине было жутко интересно. В свои семь лет она смутно представляла, чем занимается ее обремененный ученой степенью, скупой на знаки внимания отец. Для нее наука о звездах и мировом эфире, заполняющем пространство, была сродни давно исчезнувшему волшебству.

— Никакой магии, голубка, — сказал отец. Его силуэт обрел объем, а на лицо пал синий луч из ближайшего светильника. Доктор Эльвен носил аккуратную, чуть тронутую жемчужной сединой бородку. Он был одет в костюм-тройку, широкие плечи прикрывала расшитая серебром пелерина. — Эпоха магии закончилась в тот миг, когда последний дракон погиб от руки лорда Беовульфа. С тех пор и поныне наука — основа развития цивилизации. И мы — ее служители — следим за тем, чтобы огонь познания не угасал в людях.

Магдалина приблизилась к отцу, протянула к нему руку. Широкая ладонь, обтянутая замшевой перчаткой, накрыла холодные паль-

цы девочки. У отца были темно-карие глаза, у девочки — серо-синие, цвета пасмурного неба. Отец улыбнулся, хотя взгляд его оставался сосредоточенным.

— Мои коллеги убеждены, что Небо дает нам дочерей лишь для того, чтобы те блистали в салонах и на балах, но я всем сердцем чувствую, что у тебя иное предназначение. В тот самый момент, когда я в первый раз увидел тебя, упеленатую, спящую; когда я посмотрел на твои нежно голубеющие веки, я понял, что у меня появилась не просто дочь, — доктор Эльвен на мгновение стушевался, затем договорил чуть дрогнувшим голосом: — Я понял, что на свет появился мой друг и единомышленник.

— Но я же верю в волшебство, папа, — призналась Магдалина. — И в фей, а еще — в эльфов и домовых.

— В твоём возрасте это нормально, дорогая, — сказал отец. Он положил руку на окуляр рефрактора. — Вот, я хочу, чтоб ты взглянула. Наш мир не ограничен линией горизонта и небесным сводом. Вселенная обширна, многообразна, и когда-нибудь мы постигнем законы, которые управляют ею. Посмотри, не бойся. Это — планета Валгалла. Она огромна, и на ней постоянно бушуют шторма чудовищной силы.

Магдалина с опаской приблизилась к стеклянному глазу рефрактора. Отец кивком одобрил ее. Девочка взобралась на стоящую рядом

скамью, убрала локон, выбившийся из-под капора, заглянула в окуляр.

— Мы можем пока только наблюдать за удивительными вещами, которые происходят вне нашего мира, — звучал тихий голос отца. — Но настанет день, когда наука откроет нам двери во Вселенную. Могучие паролеты преодолеют притяжение и отправятся в Мировое пространство...

— В котором живут ангелы? — спросила Магдалина. Прищуриив один глаз, она пытливо всматривалась в окуляр.

Доктор Эльвен осекся. Вздохнул и прогудел не без разочарования:

— Почему ты так решила, дорогая?

— Потому что я вижу ангела там, среди звезд, — ответила Магдалина, не отрываясь от окуляра.

Часть первая

Глава первая

ОДНОЙ КРОВИ

Она продолжала видеть ангелов.

В беге полосатых облаков, подсвеченных чужим, горячим солнцем. В кривом зеркале Нила, на берегах которого раскинулся странный город, где отныне ее дом. В клубах пыли, принесенных ветрами из пустыни. В беспокойных кронах пальмовых рощ.

Профессор Эльвен два года покоится в фамильном склепе, что под часовней из красного кирпича в дальнем конце парка, разбитого позади старого петербургского особняка.

Профессор Эльвен открыл множество комет и две луны газовой планеты Хельхейм, одну из которых он хотел назвать в честь дочери, но Астрономический Совет не позволил нарушить традиции в именовании небесных тел. После себя он оставил понятную лишь узкому кругу специалистов монографию, в которой речь шла о динамике астероидов. А еще — небольшое состояние, кое-какое имущество и недвижимость.

В день его погребения была метель. Снег шел необыкновенно крупными разлапистыми хлопьями. Хлопья походили бы на перья... если бы не обжигали холодом, мгновенно тая на горячем от слез лице и на дрожащих руках. Магдалина то и дело ловила боковым зрением туманный силуэт, но стоило повернуться к нему лицом, как прозрачная фигура растворялась в лиловом свете зимнего дня.

В Мемфисе снега не бывает. Мемфис жарок, точно дыхание Роланда, единожды коснувшееся ее шеи. В Мемфисе особенно сильно ощущаются следы волшебства, которое некогда правило миром.

Мемфис принял ее — семнадцатилетнюю девушку, одетую по петербургской моде. Панибратски стиснул в объятиях, потащил за руку по широким улицам, вымощенным истертой брусчаткой или вовсе лишенным покрытия, мимо древних статуй и выветренных обелисков, мимо двух-трехэтажных домов с плоскими крышами, на которых стояли шезлонги и зеленели экзотические растения.

В Мемфисе жил двоюродный дядя Магдалины, Матвей Эльвен. И Магдалине суждено было стать еще одним членом его многочисленной и благопристойной семьи.

Это случилось два года назад. С тех пор горячие ветра изрядно намели песка на улицы южного города.

...От остановки самодвижущегося омнибуса до сувенирной лавки — две минуты торопливым шагом по одетой в строгий гранит набережной. Настроение взволнованное, весна бодрит, весна кипит в крови. Ожидание провоцирует приступы волнительной маеты в стиснутой тугим корсетом груди.

Над утренним Нилом тает туман, скользят в позолоченных солнцем клубах лодки рыбаков и редкие прогулочные яхты. Режет тупым носом волны, усердно пыхтя и частя гребными колесами, паровая баржа. Ее гудок звучит точно сильное мычание утомленного вола.

А в небе блистают цельнометаллическими оболочками дирижабли Южной гильдии воздушных перевозчиков. Могучие винты на мотогондолах либо неподвижны, либо лениво рубят воздух на малом ходу. Из труб льются струйки белесого дыма.

Одним из таких летающих кораблей командует Роланд. Но его дирижабль с оболочкой тигриной окраски Магдалина узнает по силуэту, по гулу паровых машин, по движению воздуха, который бурлит, точно речная вода, обтекая сигарообразный корпус.

Дирижабль Роланда над Мемфисом нет. Он заперт в стальной пещере эллинга в районе доков, он окружен монтажными лесами, и сотня рабочих готовит его к очередному дальнему полету.

Роланд и его воздушный корабль с командой отправятся туда, куда велит Южная гильдия воздушных перевозчиков. Председатель гильдии — старый воздушный волк и удачливый авантюрист в отставке — дядя Магдалины, старший брат покойного отца.

Сегодня Роланд — в парадной форме капитана, с изящной тростью в руке, в начищенных до зеркального блеска сапогах — придет в облицованный розовым мрамором особняк Матвея Эльвена. Аудиенция назначена на предобеденный час, и, возможно, Роланд даже останется на обед.

Если, конечно, все пройдет хорошо. И все должно пройти хорошо, просто обязано: ведь Роланд и дядя Матвей знакомы друг с другом давно, их сотрудничество плодотворно...

Но никуда от этого волнения не деться. Дыхание сбивается, и шаг становится неверным. Смуглые жители Мемфиса в свободных светлых одеждах с тревогой поглядывают на бледную барышню в бежевом визитном платье и крохотной шляпке поверх отливающих бронзой, чуть выющихся волос: как бы не упала в обморок.

Ничего, она уже взяла себя в руки. Пара взмахов веером, глубокий вдох — и можно идти дальше, ведь цель ее вылазки в город близка.

Сегодня Роланд попросит у дяди руки Магдалины.

Это свежее, пронизанное золотистыми лучами солнца утро сулит удачный, добрый день. Иначе и быть не может. И совсем не стоит волноваться. Совсем...

И она снова идет уверенной и легкой походкой молодого леопарда. Мимо мальчишек, которые рыбачат с парашюта набережной, мимо торговцев и их разнообразных товаров, мимо уличных музыкантов, только настраивающих инструменты, мимо лавок со свежевывытыми витринами.

Но как же маетно и тревожно на душе...

Снова — нечеткая крылатая фигура. Магдалина, как обычно, замечает ее боковым зрением. Она виднеется у ушедшей по плечи в песок статуи, она окутана матовым свечением. Но стоит повернуться к ней лицом, как фигура тает без следа.

Впрочем, нет. На сей раз след остается. Нечто белое, трепещущее на ветру. Магдалина смотрит по сторонам: окружающие ее люди заняты своими делами — торговцы зазывают, покупатели интересуются, мальчишка — продавец газет — размахивает пачкой «Утренних Фив», полицейский стоит в тени и пьет через соломинку ледяной молочный коктейль. Магдалина вынимает из ридикюля склянку с нюхательной солью. Открывает крышку в форме лотоса, подносит склянку к носу. От резкого запаха нашатыря выступают слезы. Магдалина вылавли-